

Д е я т е л и   н а у к и

Дневники В. И. Вернадского: их автор и публикатор

Яницкий Олег Николаевич – профессор,
доктор философских наук, зав. сектором
социально-экологических исследований
Института социологии РАН, Москва

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Дневники В. И. Вернадского: их автор и публикатор

Аннотация

Статья посвящена малоизученной в российском обществоведении теме: дневникам великого русского ученого В. И. Вернадского, которые он вел на протяжении почти сорока лет, и которые содержат уникальный историко-культурный материал для изучения истории России и СССР. Дневники являются также редким по разнообразию и насыщенности фактами, мыслями и оценками человеческим документом. На примере дневников В. И. Вернадского анализируется научная и общественная значимость работы, проведенная их публикатором и комментатором В. П. Волковым. Автор статьи приходит к выводу, что, расшифровав и прокомментировав дневники этого великого учёного за период 1926–44 гг., Волков совершил научный подвиг, дав социальный и психологический портрет великого русского учёного и публичного политика на фоне переломной эпохи.

Ключевые слова: Вернадский, наука, научная и социальная среда, публикатор, этос учёного и публикатора

Во времена Возрождения и Просвещения комментарии к произведениям великих учёных, философов, художников были весьма почитаемым научным и публицистическим жанром творческой работы. Благодаря работе публикаторов и комментаторов, потомки великих получали не только новое, но гораздо более подробное и «объёмное» знание о них, а также лучше понимали связь последних с эпохой, их породившей. В конечном счёте, в идеале публикатор и комментатор становился вровень со своим великим предшественником. Или, напротив, доказательно развенчивал его ореол «исключительности».

В современном массовом обществе ситуация изменилась. С одной стороны, занятие наукой стало массовой профессией в остро конкурентной среде. Сегодня даже выдающимся учёным не до ведения дневников – они должны всё время «догонять» и «перегонять» своих коллег. Поэтому в лучшем случае на склоне лет они пишут воспоминания или мемуары, чтобы оставить хоть какой-то след в культуре страны, а не только в своей узкоспециализированной области. К тому же получен-

ные ими собственно научные результаты не только непонятны широкому читателю, но могут ещё долго находиться под запретом по соображениям национальной безопасности.

С другой стороны, *история науки именно как научная дисциплина* у нас не в почёте. Поэтому ею занимаются лишь немногие, причём часто не по велению души, а просто потому, что «так получилось», или же эти люди не смогли угнаться за темпом развития своей дисциплины. Что же касается многочисленных «Предисловий» и «Послесловий», которые обычно пишутся ведущими российскими обществоведами к переводам работ своих (ещё более значимых) западных коллег, то подобные тексты чаще всего представляют собой некоторую совокупность оценочных суждений вне того научного и социально-исторического контекста, в котором сформировались мировоззрение и научная мысль западных авторов.

Даже если мы возьмём мемуары наших выдающихся современников, социологов и историков [Кон 2008; Гуревич 2004], то при всей важности такого рода работ (я называю этот тип литературы отчётами о прожитом), мы в лучшем случае находим в них хронологический «пунктир» их личных достижений или неудач, практически связанных со средой той (прошлой) повседневной жизни, их собственной и общества в целом. Но это всё же не дневники.

Что же касается *собственно дневников уже ушедших от нас русских учёных*, то могу с большой долей уверенности предположить, что их в российских архивах или на антресолях старых квартир лежат ещё сотни, если не тысячи. Говорю об этом так определённо, т. к. сам неоднократно присутствовал при тяжёлых сценах, когда почтенного возраста вдова, сестра или же их дети умоляли кого-нибудь взять эти бесценные личные свидетельства истории российской науки, потому что не знали, что с ними делать.

Здесь-то и возникает гипотетическая фигура публикатора, который, с одной стороны, знает о существовании этих бесценных свидетельств ушедшей эпохи, а с другой – умеет с ними работать. Но такова лишь грубая схема. В действительности работа публикатора – это тяжёлый многолетний изнурительный труд, далеко не только исследовательский, но в первую очередь – технический, организационный и бюрократический. Здесь не достаточно знать и уметь – нужно быть ещё морально и физически готовым к сидению годами в холодных залах архивов и буква за буквой расшифровывать скоропись того, у кого уже нельзя спросить, что это или почему это? Именно в таких условиях и работал Владислав Павлович Волков, публикатор и комментатор дневников В. И. Вернадского.

Выбор академиком А. Л. Яншиным на роль публикатора и ответственного редактора этого многотомного издания В. П. Волкова был на редкость точным. Яншин выбрал про-

Занятие наукой стало массовой профессией в остро конкурентной среде. Сегодня даже выдающимся учёным не до ведения дневников – они должны всё время «догонять» и «перегонять» своих коллег.

Работа публикатора – это тяжёлый многолетний изнурительный труд, далеко не только исследовательский, но в первую очередь – технический, организационный и бюрократический.

фессионала в близкой к работам Вернадского области, уже достаточно зрелого учёного, но ещё достаточно молодого, чтобы морально и физически вынести тяжесть многолетнего каждодневного труда; не узкого профессионала, но учёного с достаточно широким общественным кругозором; не публичного политика, но человека, всегда проявлявшего к ней интерес. Никто, как Яншин, так хорошо не представлял, сколь трудную он ставил перед Волковым задачу, требующую не только разносторонних знаний, но неимоверной усидчивости в течение многих лет, настойчивости в поиске нужных данных и, наконец, опыта организационной работы. А сверх того – устойчивого интереса к теме и столь же устойчивого упорства в достижении поставленной перед ним цели. Конечно, Яншин учитывал, что Волков много лет работал под началом акад. А. П. Виноградова, ученика Вернадского, и был профессионально и по-человечески тесно связан с К. П. Флоренским (1915–1982 гг.), другим учеником Вернадского. Наконец, к началу 1990-х гг., по словам самого Волкова, «кончилась [его – *ред.*] “геохимическая жизнь” и началась жизнь историка-архивиста» [Волков 2013: 198]. Кончилась, по причинам от него не зависящим. А переход в новую сферу науки, как это часто бывает в жизни, поначалу было делом случая. А именно, в результате встречи с В. С. Неаполитанской, хранительницей мемориального кабинета-музея В. И. Вернадского в том же ГЕОХИ РАН, и её трёхчасовом рассказе о жизни Вернадского. С того памятного дня в 1979 г. он «стал человеком, ...кровно заинтересованным в работе над научным наследием Вернадского» [Волков 2013: 199].

Немного статистики

За 20 лет (1992–2012 гг.) работы над дневниками Вернадского (включая отдельную книгу его публицистических статей), Волков опубликовал 177,8 условных печатных листов (или 213,9 учётно-издательских листов соответственно), т. е. почти по 9 печатных листов ежегодно. А если учесть его публикации в научных журналах по той же теме, то эта цифра возрастёт почти до 11,0 печатных листов. Поскольку мне самому дважды в жизни пришлось работать в том же качестве (расшифровщика, публикатора и комментатора), могу сказать, что по трудоёмкости эти ежегодные 11,0 п.л. работы с дневниками Вернадского следует приравнять примерно к 30,0 п.л. обычной научной продукции гуманитария за год, то есть ввести повышающий коэффициент 3,0.

О чём конкретно идёт речь? Во-первых, о процессе самой расшифровки скорописи оригинала. Ведь, как и всякий другой учёный, Вернадский делал эти записи для себя, наскоро, сокращая имена собственные (людей, организаций, минералов и т. д.)

иногда до одной-трёх букв, надеясь, что в будущем он развернёт эти иероглифы в нормальный текст. Моя собственная хронометрия подобного «развёртывания» (которое я делал в гораздо более комфортных условиях, т. к. все письма моего деда лежали передо мною на письменном столе) даёт примерно такие соотношения: расшифровка одной страницы скорописи равна по времени написанию примерно трёх-четырёх страниц текста научной статьи.

Во-вторых, о составлении содержания каждого тома и именных указателей. Кто хоть раз имел дело с такой работой, знает, сколь она многодельная и изматывающая. Когда Волков составлял первые два тома, программ автоматизированного составления таких указателей ещё не существовало. И хотя позже нужные программы появились, всё равно значительная часть работы по составлению указателей производилась вручную, потому что встречались ссылки на одинаковые фамилии, а программа не могла распознать, родственники это или однофамильцы и т. п. Содержательная трудность работы над именными указателями заключалась ещё и в том, что в тексте дневников встречались имена самых разных людей и времени их жизни: современники Вернадского и их предшественники, «ближний круг» (дети, родственники и знакомые), более широкий круг (русские и зарубежные учёные, политические и военные деятели и просто рядовые граждане, с которыми Вернадский систематически общался при любой возможности: дома, в санатории, поликлинике и т. д.

Теперь о самом главном – о примечаниях. По объёму (исчисленному в условных печатных листах) они в разных томах составляют *от половины до трёх четвертей* общего объёма опубликованных дневников Вернадского. Есть в его дневниках записи, где комментарии (или примечания) к ним составляют по 220–240 позиций, занимая почти 22 страницы убористого текста (кегель 9-ый). Что составляет 2,34 п. л. [Вернадский 2001: 396–418]. Но эти расчёты ничего не говорят об объёме содержательной работы и тех трудностях, которые её сопровождали. Дело том, что дневниковые записи день ото дня неравномерны. В один день на странице может быть длинная цитата (с указанием источника), а в другой – несколько имён, обозначенных лишь инициалами. В последние десятилетия российская справочная литература (энциклопедические, толковые, тематические и прочие словари) значительно пополнилась, но пока она не может сравниться ни с объёмом и подробностью аналогичной дореволюционной литературы, ни тем более с объёмом и разнообразием зарубежной. Насколько мне известно, Волков интернет-справочниками почти не пользовался, предпочитая им печатные издания.

Но это была лишь часть работы по составлению примечаний к дневникам Вернадского. Сотни имён и фамилий, упоминаемых в Дневниках, ни в каких справочных изданиях не

упоминаются. Волков сам участвовал в составлении нескольких «отраслевых» биобиблиографических изданий. Однако они издавались мизерным тиражом (250–300 экз.) и в число обязательных экземпляров Книжной палаты РФ, как правило, не включались [Маршрут длиною в жизнь... 2006].

Наконец, самая трудная, хотя, на мой взгляд, наиболее интересная работа публикатора – это «свободный поиск» (или «расследование»). Вот здесь всё зависит от его эрудиции и включённости в различные социокультурные сети: от ближайших друзей – до людей, ему ранее неизвестных. Если учесть высокую неопределённость такого поиска (сети человеческих связей всё время трансформируются и ещё чаще просто обрываются), то, на мой взгляд, «повышающий коэффициент» возрастает как минимум до 5,0. То есть по 45–50 п. л. ежегодно. Это гигантская цифра, особенно если учесть ответственность публикатора за каждую цифру и каждое слово в его примечаниях.

Текст, контекст и подтекст

Дневники Вернадского необычны потому, что в них есть, по крайней мере, три слоя: (1) собственно дневниковые записи, которые имеют самостоятельное научное, социальное и культурное значение; (2) вкрапления в текст дневников (так называемые Хроники), сделанные рукой самого Вернадского, которые, по его мысли, в будущем могли бы составить канву для написания им истории естественных наук в России/СССР и их социально-политического контекста (а возможно и социально-политической истории России/СССР); (3) примечания и комментарии составителя и публикатора, которые не только разъясняли, кто есть кто, но и расшифровывали предмет и метод работы Вернадского как социального историка.

Теперь о контексте, в котором создавался этот много-томный труд. Вернусь ещё раз к выбору Волкова на роль публикатора и ответственного редактора данного труда. Совсем не случайно вице-президент АН СССР, акад. А. Л. Яншин, основатель «Библиотеки трудов академика В. И. Вернадского», в начале 1990-х гг. предложил Волкову *сменить специальность* – из преуспевающего космического геохимика превратиться в историка науки. Раньше ему привозили на стол космическую пыль, а теперь ему предстояло в течение многих лет глотать пыль архивную в роли составителя, ответственного редактора и автора примечаний и собственных комментариев ко всем дневникам Вернадского. Конечно, Яншин был осведомлён, что Волков не только интересуется творчеством Вернадского, но и сотрудничает с его мемориальным музеем-квартирой, находящимся в недрах того же ГЕОХИ РАН

им. В. И. Вернадского. Но, несмотря на поддержку Яншина, обещания найти деньги на это многотомное издание и другие посулы, публикация дневников Вернадского оказалась делом более сложным организационно, идеологически и по своей сути, чем предполагал Яншин, крупный учёный и человек, достаточно твёрдый жизнью.

Во-первых, до этих дневников надо было ещё добратся – архив Вернадского по-прежнему закрыт. Никто к нему не имеет доступа. Открылись многие партийные и государственные архивы, МГБ, КГБ, а этот по-прежнему закрыт. Видимо, на то были веские причины (часть из которых выявилась лишь в процессе редакторской работы). Скажу только об одной из них: Вернадский, как и многие другие крупные российские учёные, в своих дневниковых записях весьма нелестно отзывался о профессиональном потенциале некоторых своих коллег, а ведь кое-кто из них был в советские времена признан «корифеем науки».

Во-вторых, если даже добратся до этих записей, всё равно будет ничего не понятно, потому что это скоропись, каракули, «китайская грамота». Помните историю с дневником штурмана Климова, который пытался расшифровать Саня Григорьев из «Двух капитанов» Вениамина Каверина. Сане пришлось составлять специальный алфавит. Так же был вынужден работать и публикатор дневников. Записи в архивном хранилище РАН можно было делать только от руки, вынос или копирование запрещались. День за днём, год за годом. Не более 4-х страничек в день. В «холодильнике», который называется архивом. И так на протяжении двадцати лет подряд!

В-третьих, даже полностью расшифрованный текст дневников оставался совершенно непонятным, «слепым»: сокращения, пропуски, скачки мысли, сотни неизвестных имён и фамилий (часто написанных по памяти, с ошибками). То есть наступал этап первичного декодирования текстов – о ком и о чём в действительности шла речь в этих записях. А для этого нужно было знать историю геохимии, быть в курсе состояния русской и мировой науки в целом, потому что Вернадский постоянно цитировал своих западных коллег, вспоминал о встречах с ними. И не в меньшей степени нужно было понимание механизмов работы советской партийно-государственной машины, ведомств, НИИ, комиссий. Например, если Вернадский говорит о проблеме абиогенеза (т. е. возможности возникновения живой материи из неживой природы), то публикатор даёт справку о состоянии (трактовке) этой проблемы в настоящее время [Вернадский 2006а: 129]. Кроме того, надо было вникнуть в сложную, противоречивую механику взаимодействия партийной идеологии и научного сообщества. Назову только две цифры: в двух томах дневников за 1935–38 гг. Вернадский упоминает более 2,5 тыс. имён и более 350 названий организаций. Только в двух томах!

И здесь начинается следующий этап: поиск уже ушедших и живых, которые могли бы что-то прояснить, подсказать, снабдить материалом из личных архивов, а также поиск текстов и источников, которые могли бы помочь понять, почему о них писал Вернадский, что было для него важно. Это были не просто рядовые, ежедневные записи школьника, а подготовительные материалы к большому историческому труду, который хотел создать выдающийся русский учёный. С моей точки зрения, этот этап представляет собой настоящее историко-социологическое исследование, которое некоторые пренебрежительно называют изучением «человеческих документов». Это был этап «архива после архива». Только так можно было написать примечания и комментарии к этим дневникам.

В результате этой гигантски трудоёмкой 20-летней непрерывной работы перед Волковым открылся целый «архипелаг» знаний и человеческих связей, который питал мысль великого учёного и на который он опирался. Волков фактически написал 2112 биографий (составил, скомпоновал из обрывков, кусочков), чтобы вернуть к жизни этот человеческий «архипелаг». Объём последних двух опубликованных томов составляет 70 п. л., из них на комментарии приходится не менее 40 листов! На одну страницу дневника приходится, как правило, 4–5 страниц комментариев убористым шрифтом.

Но и этого мало. Публикатор (и ответственный редактор) должен был взять на себя смелость интерпретировать и комментировать весь этот огромный материал, своего рода летопись жизни Вернадского и сотен людей, его окружавших. Такое дело всегда есть хождение по острию ножа: просто справка, «объективка» (биографическая или иная) – это неинтересно. А всякая собственная интерпретация всегда чревата опасностью нанесения душевной раны живому человеку или, ещё хуже, – оскорблением памяти ушедшего или невинно погибшего. Это ведь были страшные 1930–40-е гг. Помимо знаний, здесь нужен был такт, осторожность, которые даются только с возрастом, да и то не всем.

Но без комментариев (интерпретаций) невозможен был бы завершающий этап – «связать» между собой людей, организации, события, эпоху; понять, почему Вернадский наметил именно такой «пунктир» жизненных биографий и событий, – т. е. связать текст дневников, их исторический и политический контекст и подтекст. В итоге получился аннотированный очерк истории и социологии науки в СССР/России за сто лет в контексте революционных трансформаций и эпохи строительства социализма. Естественно, что эта работа есть, по сути, своего рода интеллектуальный детектив с бесконечным продолжением. Однако уже сегодня мы должны быть благодарны В. И. Вернадскому, архиву РАН и публикатору, т. к. благодаря этим дневникам и комментариям мы узнали о множестве выдающихся и рядовых тружеников русской науки в этот страшный для неё период.

В результате гигантски трудоёмкой 20-летней непрерывной работы перед В. П. Волковым открылся целый «архипелаг» знаний и человеческих связей, который питал мысль великого учёного и на который он опирался. Фактически он написал 2112 биографий.

Я хотел закончить этот параграф сентенцией о том, что социологически Россию можно изучать по-разному. Можно носиться по конгрессам по всему свету и быть включённым в десятки социальных сетей. Можно исколесить вдоль и поперёк Россию в поисках нужных материалов. А можно 20 лет просидеть в архиве на соседней улице и изучать историю изнутри, через дневники и биографии живых и давно ушедших от нас людей.

Публикаторами не рождаются

Однако, поскольку мы с Волковым были одноклассниками, могу сказать, что необходимые задатки для этого тяжёлого подвижнического труда у него были. Владислав Павлович со школьной скамьи отличался твёрдым характером, чрезвычайной пытливостью, а главное – навыком самовоспитания, столь редким тогда, в сталинские времена, но ещё более редким сегодня. А его учёба на геологическом факультете МГУ, затем более чем полувековая работа в Институте геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского явились хорошей подготовкой к его рождению как профессионального историка-публикатора. Как сказано в предисловии к его последней авторской книге, «это был учёный, которому посчастливилось вместить в одну сразу три жизни: геолога, космохимика и историка науки. Начав со статистических исследований геохимии Ловозерского щелочного массива <на Кольском полуострове>, по мере развития науки он самостоятельно освоил и применил к изучению атмосферы Венеры термодинамический метод. С начала 1990-х гг. В. П. Волков занимался публикацией дневников В. И. Вернадского» [Волков 2013: 2].

Далее я приведу отрывок из моего неопубликованного письма Волкову, когда он уже был смертельно болен. Речь, как обычно, шла о его многолетнем труде по расшифровке и составлению комментариев к дневникам Вернадского, который он «уже почти завершал, но который всё же требовал ещё много времени и сил на компиляцию и вычитку двух последних томов, застрявших в издательстве. Я уверен, что ты справишься со своей болезнью и на этот раз. Говорю это безо всякой выпренности, просто я хорошо знаю тебя со школьной скамьи, знаю твой характер и меру ответственности за то дело, которое ты делаешь, и которое теперь уже не может быть сделано кем-то другим. Это – твой замысел, твоя работа и её результат. Ты знал себе цену, хотя никогда об этом не говорил. Но жизнь наша действительно идёт к естественному концу, и пора подводить итоги. О себе я говорить не буду, а вот про тебя сказать надо, потому что то, что ты уже сделал, хочешь –

В итоге получился аннотированный очерк истории и социологии науки в СССР/России за столетие в контексте революционных трансформаций и эпохи строительства социализма.

не хочешь, это уже часть российской истории, истории нашей науки и культуры. Я не раз пытался заговорить с тобой на эту тему, но ты или отмалчивался, или кивал в сторону академика А. Л. Яншина, замыслившего полное издание трудов Вернадского. Спасибо ему, его вдове и, наверное, многим другим, имён которых я не знаю. Но расшифровка, комментарии и подготовка Дневников Вернадского к печати – это было твоё дело. Я плохо знаком с тем, что ты делал и сделал как геохимик, хотя ты сам об этом написал (как всегда в твоей сжатой и отстранённой манере), а меня попросил написать рецензию на сборник воспоминаний студентов вашего курса Геологического факультета МГУ, куда ты поступил в 1951 году [Маршрут длиною в жизнь... 2006].

Так вот о цене или, если хочешь, о самооценке. Мы с тобой не раз уже говорили, что тут придётся начинать издавать, а именно с того, что мы с тобой, как и весь наш класс, были «детьми Арбата». Не сегодняшнего, муляжного и мёртвого, а Арбата 1940–50-х гг. Арбата трагических судеб и, вместе с тем, среды высочайшей концентрации интеллектуальных сил города и страны. И мы оба в ней жили с малолетства и ещё очень много лет после. Тогда наша школа № 59, что в Староконюшенном переулке, была, как тогда полагали, с «техническим уклоном», но если посмотреть, как сложились наши с тобой судьбы и всех тех, кто учился в параллельных классах «Б» и «В», получается совсем иная картина: многие из выпускников стали гуманистами. Ты раньше не соглашался с такой моей оценкой. Но теперь, когда уже ничего серьёзно изменить нельзя, видимо, я оказался прав. Твои успехи в геохимии оценят твои коллеги, но то, что ты сделал, работая над дневниками Вернадского, позволь оценить мне: просто со стороны видней. К тому же я, как и ты, начав с архитектуры и градостроительства, вот уже более полувека работаю в совсем иной, вполне гуманитарной области. И год за годом, всё более «сползаю» в область исторических знаний (наверное, не без твоего влияния). Вообще твоё влияние на меня было довольно странным... Ты выделялся из всех самостоятельностью своих взглядов и суждений и вообще был «стойким оловянным солдатиком» в лучшем смысле этого слова. И к тому же чрезвычайно любознательным. Лишь совсем недавно, на одной из наших встреч (ты, Володя Гольдман, Илья Шмурак, Серёжа Зик, Лёня Бабиченко) я с удивлением узнал, что вы вдвоём, втроём или все вместе, совершали долгие пешие походы по Москве с единственной целью: узнать свой город. Насколько я понял, тогда у вас не было какого-то определённого плана, но тяга к познанию всего того, что лежит за пределами семьи и школы, была вполне определённая. Много позже, когда ты уже стал студентом геологического факультета МГУ (и после его окончания), ты прошёл много сотен километров, ведомый уже своим профессиональным интересом.

Ещё в старших классах школы диалог с тобой выдерживали далеко не все, потому что держать заданную тобой планку было не каждому под силу. К тому же ты изобрёл собственную формулу для вычисления «коэффициента мозговой способности» (нечто подобное современному IQ). В пору тех страшных лет (1948–51 гг.), на которую пришлось наше формирование как личностей, это могло даже показаться бравадой, если бы не твой всегда спокойный отстранённый взгляд, как бы говоривший: «на том стою и не могу иначе». То, что за этим спокойствием скрывался вулкан энергии, я узнал лишь много позже, из кадров кинохроники, запечатлевших твоё выступление на знаменитом собрании в Политехническом музее на рубеже 1950–60-х гг.

Но, Владислав, согласишься: без того влияния, которое оказали на нас с тобой наши замечательные учителя, историк Дмитрий Николаевич Никифоров, преподаватель литературы Мария Александровна Шильникова и математик Иван Васильевич Морозкин, мы не были бы теми, кем стали потом. Все они, естественники и гуманитарии, нас *не учили*. Они *приобщали* нас к великой русской культуре, её слову, строю, к логике мышления и поступков. *Дисциплина ума и мышления* – вот к чему они нас приобщали. А эти вещи, как мы с тобой не раз говорили, осознаются не сразу. Они уже были в нас, но тогда нам, юным, казалось, что это происходит само собой.

О влиянии твоей семьи на твоё взросление и выбор профессии я сказать ничего не могу. Я бывал у тебя дома всего несколько раз, но по моим воспоминаниям, это был не профессорский дом в смысле книг, разговоров и обстановки. Там царствовал аскетизм. Да и ты сам, сколько я тебя знаю, был типичным аскетом во всём, что касалось одежды, еды и домашнего быта. Более того, я сказал бы, что ты всю жизнь был аскетом в науке. Вспоминаю знаменитый ответ Огюста Родена на вопрос о методе, которым он работает: «Беру камень и отсекаю всё лишнее». Целеустремлённость, собранность – обратная сторона аскетизма, и здесь я от тебя далеко отстал. Конечно, я могу только гадать, потому что эту тему мы с тобой никогда не обсуждали. А жаль, потому что расшифрованные тобой дневники Вернадского дают богатую пищу для этого. Хотя для него, как и для тебя, наука была главным делом всей жизни, которому следовало отдавать максимум времени и сил, ты, как и он, «никогда не жил одной наукой» (это его собственные слова).

Да, снова вернусь на минуту к периоду нашего становления как личностей. Мне почему-то кажется, что в твоём переходе из геохимии к источниковедению и архивному делу (уже в весьма зрелом возрасте, тебе было уже за пятьдесят) во многом «виноваты» как наш удивительный учитель

истории Д. Н. Никифоров, так и В. И. Вернадский и его любимый ученик, твой непосредственный начальник акад. А. П. Виноградов. А также вся та интеллектуальная среда, которая тебя окружала в Институте геохимии АН СССР. Конечно, ты уже давно был тесно связан с мемориальным музеем Вернадского, но так или иначе *линия Вернадский–Волков именно как историков науки и советского общества* со временем становилась всё яснее. Собственно говоря, ты проявил себя как историк естествознания, пронизанного политикой и культурой своего времени, когда подготовил и опубликовал в 1995 г. том «В. И. Вернадский. Публицистические статьи». Думаю, что это был твой сознательный выбор: нельзя было понять цели и смысл деятельности любого учёного, не изучив его этоса, то есть системы моральных норм и правил, которыми он руководствовался всегда: в научном исследовании, в отношениях с властью предрезающими и с простыми людьми.

...Вспомним август 1968 г., вторжение наших войск в Чехословакию. Ещё до этих событий у тебя был доступ к «Белому ТАССу», журналу еженедельного обзора зарубежной печати (с грифом «секретно»), который рассылался по списку членам «номенклатуры». Ты свободно читал “Morning Star”. По твоим же собственным словам, ты «назубок знал стенографический отчёт о процессе “правотроцкистской банды преступников и убийц”, о борьбе с менделизмом-морганизмом, словом, следил за политической жизнью и хорошо знал историю её советского периода. Вот почему я считаю, что стандартная фраза «политически грамотен» (да ещё как грамотен!) из характеристики, обязательной для каждого, выезжавшего за рубеж, относится к тебе в первую очередь. Да, ты самый до сих пор цитируемый автор книги «Геохимия Ловозерского щелочного массива» (М.: Наука, 1966). Однако полученный тобой после событий августа 1968 г. статус «невъездного» блокировал твои научные контакты с зарубежными коллегами и возможный отъезд на работу в США. Но, кто знает, смог бы ты там войти в историю естественных наук так, как это сделал ты после 20 лет работы над дневниками Вернадского? Ты не хуже меня знаешь, что Вернадского, работавшего за границей в 1920-х гг., потребовали вернуться в Москву. Возможно, останься он там, это был бы ещё один Сикорский, Бердяев или Струве? Когда вернёшься из больницы, я хотел бы обсудить с тобой этот тревожный для меня вопрос. Что важнее для страны и для конкретного учёного, особенно такого масштаба, как Вернадский: «свобода» там, но с неизбежной утерей корней здесь (как ты видишь по судьбе многих наших одноклассников), или же ограниченная свобода здесь, т. е. та модель жизни, которую прожил здесь В. И. Вернадский? А ведь это – один из самых жгучих вопросов современности, в том числе и в отношении наших детей и внуков».

Должен ли быть публикатор (комментатор) «умнее» автора?

Ответ на этот вопрос зависит от того, каким материалом располагает публикатор и что он с ним хочет сделать. Архивы всё ещё хранят массу документов, которые могли бы быть интересны широкому читателю. Но такие документы нельзя просто опубликовать, их надо комментировать. А вот эта задача далеко не каждому по зубам. Мой дед, будучи участником русско-турецкой и русско-японской войн, вёл с места событий обширную переписку с женой, а позже – со своей взрослой дочерью. Однако я не рискнул опубликовать эту связку писем именно потому, что они требовали расшифровки, подробных комментариев, к чему я, социолог, не был готов. Поэтому я просто включил некоторые выдержки из этой переписки в одно из изданий своей «Семейной хроники» [Яницкий 2012]. А участник русско-японской войны писатель А. И. Куприн превратил всё увиденное им в Манчжурии в художественную прозу.

Конечно, бывает, что профессиональным историкам или любителям-краеоведам просто везёт, когда они, занимаясь своей любимой темой, вдруг наталкиваются на чрезвычайно актуальный архивный источник никем ранее не публиковавшихся документов. Как мне рассказывал один молодой американский историк, когда он заинтересовался эпохой правления Петра I, ему старшие коллеги говорили: «Зачем ты тратишь попусту время, ведь всё мало-мальски интересное об этой эпохе давно уже известно и опубликовано». И он уже был готов оставить эту тему, когда вдруг в одном из европейских архивов наткнулся на личную переписку послов и других иностранцев при дворе Петра I.

Наконец, был и продолжает существовать «чёрный рынок» автографов и других неопубликованных материалов. Иногда – украденных из местных архивов, а иногда – найденных на чердаках давно заброшенных деревенских домов. Кстати, как сохранилась часть архива моего деда, я до сих пор не могу понять. Ведь в ноябре 1941 г. его письма лежали на подмосковной даче в 2-х километрах от линии фронта. Был и другой, менее приятный случай: переписка двоюродного брата моего отца, узника Шлиссельбурга, а в 1918 г. попавшего в плен к Юденичу и там расстрелянного, таинственным образом исчезла из семейного архива моих родственников в тогдашнем Ленинграде [Яницкий 2012].

Это не означает, что автор дневников и их публикатор должны быть «равновеликими» (в науке или общественной деятельности) изначально. Это – чрезвычайно редкий в истории науки случай. Сказанное лишь означает, что публикатор

Архивы всё ещё хранят массу документов, которые могли бы быть интересны широкому читателю. Но такие документы нельзя просто опубликовать, их надо комментировать.

должен постепенно стать вровень с автором, дневники которого он расшифровывает и публикует. Стать вровень означает, что публикатор должен погрузиться в то время, в котором жил и творил учёный, понять то время, но ни в коем случае не давать ему собственных оценок. Это – прерогатива того учёного, дневники которого он публикует и комментирует.

«Стать вровень с автором или даже быть умнее его»: эта дилемма в сущности сформулирована неверно. Но вот что можно сказать определённо в интересующем нас случае. Ученик был уже профессионально подготовлен к предстоящей работе и лично в ней заинтересован. Настойчивость, систематичность, упорство в достижении поставленной цели – эти человеческие качества, необходимые архивисту, были присущи Волкову со школьной скамьи. Несомненно, что в процессе работы над дневниками Волков постоянно учился: у их автора, у своих коллег, у архивистов. Если сравнить комментарии публикатора к первым и последним томам дневников (а лучше начать с тома публицистики Вернадского), то отчётливо видно, как публикатор эволюционирует от «справочного характера» его примечаний к более объёмным, насыщенным фактами примечаниям, лучшие из которых представляют собой законченные мини-исследования. Причём со временем у Волкова выработался (в рамках архивных канонов) свой стиль подачи примечаний и другого справочного материала. Также отчётливо видно, что от тома к тому примечания становятся всё более информационно насыщенными, потому что к середине 2000-х гг. Волков уже был опытным архивистом, хорошо знающим, что и где можно искать. У него сложилось представление о наиболее эффективной поисковой сети, необходимой для получения недостающих для примечаний данных. В те же годы возник и «встречный поток»: люди, зная, что такой архив уже издаётся и что впереди ещё большая работа, сами обращались к Волкову, принося ему нужные сведения. Я в этой кропотливой многолетней работе не мог быть ему серьёзным помощником. Но всё же, благодаря тому, что мой отец и дядя работали много лет в Академии наук СССР, я смог быть несколько раз полезен Волкову.

Выводы и размышления

Насытив свои дневники многими сотнями имён и событий, Вернадский заставил публикатора и комментатора В. П. Волкова документально «расшифровать» гигантский пласт русской и мировой науки и культуры, эксплицировать сети и связи их больших и малых имён, их концепций и этических норм. Тем самым комментарии к дневникам Вернадского представляют собой в совокупности фундамен-

Публикатор должен постепенно стать вровень с автором, дневники которого он расшифровывает и публикует, должен погрузиться в то время, понять его, но ни в коем случае не давать ему собственных оценок. Это – прерогатива того учёного, дневники которого он публикует и комментирует.

тальный, основательно документированный труд по истории российской и советской науки. Без многолетних усилий Владислава Волкова этот пласт науки и культуры не всплыл бы на поверхность никогда. Волков, как и Вернадский, своими комментариями и историческими изысканиями, внёс неоценимый вклад во «всеобщую историю науки». Владислав Павлович работал на пределе сил, понимая, что люди старшего поколения, которые могли бы сообщить необходимые ему факты о жизни Вернадского и его окружения, вскоре могут уйти из жизни, а ценнейшие исторические документы и устные свидетельства исчезнут в частных архивах или просто будут уничтожены безжалостной «машиной времени».

Вместе с тем, сделанная Волковым работа представляет непосредственную ценность для нас, социологов, потому что она выявила всю многослойную и многоуровневую систему коммуникаций В. И. Вернадского, учёного, общественного деятеля и публициста, которая была «информационным каркасом» его повседневного труда. Волков выполнил свой личный гражданский долг перед русской и мировой наукой, потому что без его комментариев к дневникам и хроникам Вернадского этот культурный пласт, эти межличностные связи российских учёных и общественных деятелей, возможно, не были бы выявлены вообще никогда.

Но, как мне представляется, между автором (Вернадским) и публикатором (Волковым) есть также сущностное научное и духовное сходство. Я прежде всего имею в виду сходство их этосов как системы духовно-нравственных максим. Конечно, это сходство не прямое, не непосредственное, но, зная Волкова более 65 лет, я берусь утверждать, что такое родство существует. Вот несколько главных позиций этоса Вернадского:

1. Свобода мысли, научного поиска, профессиональных и человеческих контактов, никаких внешних ограничений, никакого партийного руководства. Безусловное право на высказывание научной мысли и на её обсуждение. Научное знание и человеческая мысль самоценны и не терпят никакого вмешательства извне.

2. Всё накопленное в мире науки знание должно быть доступно для ознакомления и осмысления. Никакой цензуры, спецхранов, особых списков, никаких бюрократических препятствий между учёным и хранилищем знания, будь то библиотека, научный журнал или отдельная личность в любой точке земли.

3. Структура научного учреждения, в том числе Академии наук, есть функция познавательного процесса, а не политических доктрин и идей. Только развитие мирового знания и потребности страны могут корректировать его структуру.

Комментарии к дневникам Вернадского представляют собой в совокупности фундаментальный, основательно документированный труд по истории российской и советской науки. Без многолетних усилий Владислава Волкова этот пласт науки и культуры не всплыл бы на поверхность никогда.

Между автором (Вернадским) и публикатором (Волковым) есть сущностное научное и духовное сходство – сходство их этосов как системы духовно-нравственных максим.

4. Равноценны все элементы структуры научного производства: отдельные исследователи, их малые коллективы, временные комиссии, научные институты, а также хранилища прошлого знания. Никакая библиотека не может заменить личного общения, в котором происходит трансляция культуры их носителей.

5. 5. Изучение истории науки – принципиально важный элемент научного процесса, так как она – не плод размышлений отдельных учёных, а совокупный продукт труда многих поколений. Даже если какие-то теории, парадигмы устаревают, отбрасываются, то всё равно они входят в фундамент развивающегося познавательного процесса. Российская наука – часть мировой культуры.

6. Научное производство социализировано, то есть реально научное знание производится в экономической, политической и культурной среде. Эта среда долго накапливается, и нет ничего хуже её постоянной перестройки, бесконечных реорганизаций института науки.

7. Научное производство есть часть неразрывной триады: школа – университет – научное учреждение. Российская наука есть часть русской культуры. Научное производство не может развиваться без истории науки и техники, это – необходимая форма (само)рефлексии науки. Семья, семейные традиции (русской интеллигенции) имеют огромное значение для научного творчества.

8. Необходима максимальная концентрация, «жизнь только наукой». Максимальная критичность: оценка своих работ и достижений коллег только по критерию вклада в мировую науку (она – единое «тело»).

9. Учёному необходима (абсолютная) «свобода исканий» и одновременно постоянная рефлексия по поводу прочитанного, сделанного и осмысленного им.

10. Личность учёного и организация его работы связаны, но личность первична.

11. Дисциплина и самоконтроль в научной работе и повседневной жизни. «Надо добиться чёткого письма – следить за собой» [Вернадский 2006b: 248].

Разве эти максимы не воплотились в трудах публикатора и комментатора дневников В. И. Вернадского? В его автобиографической книге? Есть, конечно, и отличия. Волков решил важнейшую задачу, поставленную самим Вернадским: проанализировать динамику научной жизни в контексте исторических и социально-политических перемен. Но публикатор не создал своей школы архивного дела, как и школы научной. Это не его вина: сегодня в естественных науках практически нет научных школ в традиционном понимании этого слова.

Есть быстро меняющиеся связи и сети. Наконец, в отличие от Вернадского, который достаточно ревниво относился ко всем упоминаниям его имени и его работ в научной прессе и особенно в газетах (того времени), Волков о своей жизни не написал почти ничего за исключением уже упомянутой книжки воспоминаний [Волков 2013], выдержанной в привычном для него духе самоиронии. Тем не менее, В. П. Волков был учёным старого закала: высокообразованный, преданный своему делу, абсолютно честный, принципиальный даже в мелочах.

Подчеркну ещё раз: расшифрованные и прокомментированные Волковым дневники Вернадского – не историко-социологическая конструкция. Это открытый и предъявленный читателю повседневный личный, выношенный и выстраданный опыт Вернадского, его размышления, убеждения и жизненные принципы, формировавшиеся в контексте перелома эпох. Наконец, ещё один исторический факт: публикация дневников и публицистических статей Вернадского была осуществлена с «опозданием» почти в сто лет. Случайно ли это? Или столетие и есть та историческая дистанция, которая необходима для понимания эволюции взаимоотношений учёного и государства?

Библиографический список

Вернадский В. И. 2001. Дневники 1926–34 гг. М.: Наука. 456 с.

Вернадский В. И. 2006а. Дневники 1935–38 гг. Книга 1. М.: Наука. 444 с.

Вернадский В. И. 2006б. Дневники 1935–38 гг. Книга 2. М.: Наука. 295 с.

Волков В. П. 2013. Экскурсия с закрытыми глазами (нечто вроде мемуаров). М.: ГЕОХИ им. В. И. Вернадского. 235 с.

Гуревич А. Я. 2004. История историка. М.: РОССПЭН. 228 с.

Кюн И. С. 2008. 80 лет одиночества. М.: Время. 432 с.

Маршрут длиною в жизнь. Геологи МГУ (1951–56) о времени и о себе / сост. Арсанова Г. И. и др. М.: ЭЛИА АРТ-О, 2006. 461 с.

Яницкий О. Н. 2012. Семейная хроника. 1852–2002. Издание 2-е дополненное. М.: Издательство ТАУС. 271 с.

Diaries of V. I. Vernadsky: Their Author and Publisher

Yanitsky Oleg Nikolaevitch

Professor, Chief of the department of environmental researches Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the diaries of the prominent Russian scientist Vladimir Vernadsky, which he kept for almost 40 years (from 1926 until 1944). These diaries are a unique source for the study of the history and culture of Russia and the Soviet Union. In the opinion of the article's author, Vladislav Volkov, who decoded and commented on these diaries in detail, has accomplished the scientific feat of compiling a social and psychological portrait of this prominent Russian scientist and public figure in the years of fundamental historical change.

Keywords: Vernadsky, science, scientific and social milieu, ethos of Vernadskyi and publisher.

References

Vernadsky V. I. Dnevniky 1926–34 [Diaries 1926–34]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 456 p.

Vernadsky V. I. Dnevniky 1935–38. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ. 2006. 444 p.

Vernadsky V. I. Dnevniky 1935–38. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 2006. 295 p.

Volkov V. P. Ekskursiya s zakrytymi glazami (nechtovrode memuarov) [Excursion with closed eyes (something like memoirs)]. M., GEOHI im. V. I. Vernadskogo, 2013. 235 p.

Gurevitch A. Y. Istorija istorika [The history of the historian]. M., ROSSPEN, 2004. 228 p.

Kon I. S. 80 let odinochestva [80 years of solitude]. M., Vremia, 2008. 432 p.

Marshrut dlinoyu v zhizn'. Geologi MGU (1951–56) o vremeni i o sebe [Route of a lifetime. Geology of Moscow state University (1951–56) on the time and themselves] / sost. G. I. Arsanova i dr. Moscow, ELIA ART-O, 2006. 461 p.

Yanitsky O. N. Semeynaya khronika [Family chronicle]. 1852–2002. Second edition. M., TAUS Publ., 2012. 271 p.